

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

DOI: 10.31857/S023620070009632-2

©2020 С.А. НИКОЛЬСКИЙ

ЧЕЛОВЕК В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ВОЙНА И СТРАХ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник — руководитель сектора философии культуры. Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Электронная почта: s-nickolsky@yandex.ru

Аннотация. Так же, как тоталитаризм советского типа определял природу, сознание и особенности бытования человека мирного времени, так же, если не в большей мере, с началом Великой Отечественной войны он воздействовал на сознание и поступки человека сражающегося. Первые послевоенные размышления на этот счет были предложены в военной прозе писателей-фронтовиков — В.П. Астафьева (роман «Прокляты и убиты»), В.В. Быкова (повести), а также военного корреспондента В.С. Гроссмана (роман «Жизнь и судьба»). Возникнув в СССР с началом правления Сталина, тоталитаризм быстро нащупал собственную фундаментальную основу — покоящийся на человеческом инстинкте самосохранения страх. Именно страх, подпитываемый зачастую лишенными конкретной целевой направленности, но постоянными и жестокими репрессиями, овладел советским обществом настолько, что, наряду с факторами политического и организационного характера, стал одной из причин масштабных катастрофических поражений начала Великой Отечественной войны. Определение Отечественной войны не только как народной, но и как войны тоталитарного государства не согласуется с позицией, согласно которой сталинский тоталитаризм военного времени со свойственной ему жестокостью был столь необходим, что

его критический анализ недопустим и должен расцениваться как антипатриотичный. В статье предпринимается попытка показать, что советский тоталитаризм имел исторические корни, а в войну не только не способствовал, но объективно препятствовал победе над фашизмом. Тоталитаризм низводил человека-воина до уровня средства решения задач, создавал условия, при которых смелость и профессионализм иногда уступали место страху и трусости, нередко рождал в настроениях людей стремление любой ценой и в первую очередь угодить вождю и его ближнему кругу, в целом был врагом свободного человека и при возможности такого человека уничтожал.

Ключевые слова: человек, война, тоталитаризм, самодержавие, политика, массы, пандвижения, свобода, героизм, трусость.

Ссылка для цитирования: Никольский С.А. Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх // Человек. 2020. Т. 31, № 2. С. 128–149. DOI: 10.31857/S023620070009632-2.

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

Трагедия и героика народов СССР, проявившиеся в Великой Отечественной войне, были столь велики, что до настоящего времени исключали попытки развернутого анализа. Тем не менее время от времени прежде и в особенности теперь, по мере все большего увеличения временной дистанции, потребность в такого рода исследованиях становится не только возможной, но и необходимой. Периодичность возникающего запроса на все более широкий и глубокий анализ Отечественной войны связана с тем, что в недавнюю перестройку именовалось «гласностью». Отказ от тоталитаризма — от массовых репрессий времен «культы личности Сталина» — в период хрущевской «оттепели», горбачевские попытки утверждения «социализма с человеческим лицом», равно как и ельцинская демократия 1990-х, — все это открывало новые возможности для расширения «зоны правды», выявления природы тоталитаризма и обретения опыта противостояния ему, в том числе и в период Отечественной войны.

Однако периодически возникавшие «запросы на правду» столь же периодически спустя непродолжительное время старательно сводились на нет. Таким образом, нераскрытая «тайна» бытования тоталитаризма в советском обществе исключала возможность показа его античеловечной природы и, само собой, затрудняла необходимую политическую и культурную работу по его искоренению.

Понимание того, что СССР был тоталитарным государством, не позволяет рассуждать исключительно в логике «на нас напали — мы оборонялись». Начиная с Ленина и позднее при Сталине РСФСР — СССР не отказывался от идеи мировой революции, что

писателей-фронтовиков, подкрепленные историческими исследованиями. Из большого массива художественных произведений об Отечественной войне выбраны тексты лишь трех названных писателей, потому что в их наблюдениях и размышлениях приняты, на мой взгляд, наиболее глубокие попытки за внешними проявлениями войны увидеть сталинский тоталитаризм, а также страх, не только свойственный ей и постоянно присутствующий, но и производимый тоталитарными инструментами, прибавлявший войне еще большую жестокость, несправедливость, напрасные смерти.

Исторические истоки советского тоталитаризма

Тема человека в советском тоталитарном государстве огромна и до настоящего времени разработана незначительно. Разумеется, обращаться к ней в полном объеме в рамках небольшой статьи — заведомо невыполнимое и уязвимое для критики дело. Тем не менее, поскольку далее речь пойдет о советском человеке в условиях войны, ведущейся тоталитарным государством, упомянуть об истоках советского тоталитаризма необходимо.

Построившие тоталитарное государство большевики, в отличие от нацистов, основавших Третий Рейх на идее расовой чистоты¹, своей целью полагали основанное на классовом подходе принудительное осчастливливание мира в соответствии с «всесильным марксизмом» в их интерпретации². Тому обстоятельству, что наследник ленинизма — сталинский тоталитаризм — как форма организации общественного бытия столь быстро возник и распространился в нашей стране, сменив политические явления прямо противоположного свойства — свергнутый самодержавный абсолютизм, робкую (в пределах партии большевиков) демократизацию и эксперименты по культурному развитию масс, — послужили, на мой взгляд, несколько причин.

¹ В Германии, как и в СССР, тоталитаризму было свойственно развитие по определенной, достаточно жесткой логике. Начав с идеи уничтожения «ущербных рас», гитлеризм эволюционировал в направлении «очищения» от «некачественных» человеческих индивидов внутри самой немецкой нации и, если бы этот процесс не был прерван победой Красной Армии, от больших масс германских «недоарийцев», оставив для будущего лишь немецкую «элиту» — СС.

² Одно из наиболее полных художественно-философских описаний становящегося большевизма — времени политики военного коммунизма и затем завершения коллективизации и первых шагов индустриализации (1918–1934) — находим в произведениях А.П. Платонова (роман «Чевенгур», повести «Котлован» и «Ювенильное море», рассказ «Джан») [13; об этом см. также: 11, с. 74–174].

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

крыла партии эсеров, были распущены и запрещены, а их лидеры либо погибли в вооруженных столкновениях, либо были арестованы, расстреляны или эмигрировали.

В целом конституционное ограничение бескрайнего российского самодержавия — предтечи тоталитаризма — от времени провозглашения политических свобод в 1905 году и до революций 1917 года было незначительным и испытывало постоянные репрессивные импульсы от все еще сильного самовластья. И если европейское конституционное правление обеспечивало исполнение законов, то в России отношение к законам традиционно носило показной характер. Сопутствующие капитализму классы как общественные структуры только начинали складываться, и их реверсивное движение под воздействием тоталитарной формы правления вновь в состояние бесструктурных и безликих масс сделало невозможной их организованную оппозиционную солидарность.

Кроме того, низкая культура общественной жизни, полуварварское состояние и социально-политическая неразвитость российского населения толкали его на путь формирования народных националистических движений с их увлекающей своей простотой формулой деления мира на «своих» и «чужих»⁴. Обывателя подобная простота при затраченных минимальных усилиях превращала в значимого деятеля, возвеличивала в собственных глазах. Х. Аренд справедливо подмечает «тот факт, что пандвижения начались в странах, которые никогда не знали конституционного правления, из-за чего их вожди наивно-естественно представляли себе правление и власть в виде произвольных решений сверху» [там же, с. 284]. Видимость этой свободы личных решений при реальном властвовании над себе подобными, ограниченной лишь «духовной» верностью вождю, в полной мере обеспечил адептам нового строя сталинский тоталитаризм. И хотя в послеоктябрьской России большевизм пытался насаждать среди масс интернационализм, его идеология, да и сами попытки были всего лишь «яблочной кожурой» (Ф. Ницше) на сочной мякоти националистического плода.

Политическая и культурная недоразвитость страны дополнялась проводимой Сталиным тщательной атомизацией общества. Последняя обеспечивалась периодическими чистками, за которыми следовали групповые ликвидации. Чистки проводились таким образом, чтобы одинаковая судьба грозила обвиняемому и всем,

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

⁴ Временную политическую форму эти движения приняли, образовав «Союз русского народа» (1905–1917) и «Русский народный союз имени Михаила Архангела» (1908–1917).

«глыб» тоталитаризма), которая возобладала над гитлеровской целью уничтожения части человеческого рода. Однако этот счастливый итог не может отменить необходимости исследования природы советского тоталитаризма, тем более что сразу после победы Сталин озабочился воссозданием и дальнейшим совершенствованием тоталитарного пресса над не в меру вкусившим свободу советским воином. Последующие вожди если не прибегали к тоталитаризму в чистом виде, то не гнушались близкими ему формами авторитаризма, да и страх — память о тоталитарном прошлом — в качестве элемента управления эксплуатировали в полной мере.

Тоталитарный страх — враг свободного человека

Если согласиться с утверждением Х. Арендт о том, что сущностью тоталитаризма является массовый, не имеющий определенной направленности, анонимный и регулярный геноцид, то следует признать, что страх — фундаментальное и первичное основание тоталитаризма. Страх как базовая врожденная эмоция, более древняя, чем радость и любовь, имеет глубокие корни в инстинкте самосохранения. Данной эмоции присуща защитная полезная функция — мобилизация сил организма, которая активизируется не только при реальной или воображаемой опасности, но и при воспоминании о таковой в прошлом. Причинами, усиливающими страх, могут быть чувства одиночества, покинутости, подавленности, ощущение бессилия, а последствиями испытания страха — состояние, побуждающее человека к физическому действию — бегству, поиску спасения. Для охваченных страхом людей типичны необдуманные или бессознательные действия, паника, которая усиливается психологическим заражением, характерным для коллективов. Страх, не обузданный разумом, стыдом и волей, обрекает человека на трусость, заставляет «терять голову» (М. Хайдеггер). Очевидно, что приведенные характеристики страха в полной мере давали о себе знать в войну.

Страх как фундаментальная основа любого государственного тоталитарного террора в СССР имел свою историю становления. Впервые эта основа была заложена Лениным, провозгласившим упразднение «буржуазного права» и замену его «революционным правосознанием масс». Уничтожив институт права — важнейший посредствующий элемент между властью (властителем) и народом (массой) — и демагогически «наделив» властью «революционный народ», а фактически сконцентрировав власть в руках группы диктаторов, «вождь пролетариата» построил первую большевистскую машину государственного тоталитарного

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

Впрочем, у советского страха, включая страх на войне, была и мировая предыстория. В художественной форме основание тоталитарного террора было предугадано и адекватно описано Ф. Кафкой в романе «Процесс» (1915). Главный герой произведения — страх, который «производит» некая таинственная организация для «потребления» массами. В ней автору удалось предугадать многие черты реального советского и германского тоталитаризма.

Для осознания феномена страха в его фактическом проявлении — трагедии начала Великой Отечественной войны — следует обратиться к исследованиям историков. Вот как, к примеру, анализирует разгром наших войск на Западном и Юго-Западном фронтах М.С. Солонин. Разгром, по оценке исследователя, был, казалось бы, невозможен, поскольку и по количеству вооружений (более чем трехкратному), и по их качеству (танков в первую очередь) мы значительно превосходили силы гитлеровцев. Среди наиболее очевидных, но до сих пор не объясненных просчетов были неуничтоженные в паническом бегстве солдат мосты через Неман — главный водный рубеж Западного фронта, отсутствие информации о нахождении своих войск и штабов, равно как и сил противника, а также потеря управляемости на театрах военных действий, в результате чего механизированные корпуса Красной Армии двигались хаотично, не «находя» немецких войск, увязая в болотах, растрачивая моторесурс, погибая под бомбежками и попадая в окружения. При «минимально-разумном управлении» на Западной Украине советские мехкорпуса должны были просто раздавить танковую группу Клейста, но вышло наоборот [14, с. 100].

Видимо, для хотя бы частичного понимания трагедии такого немислимого разгрома найдено несколько верных слов — «минимально-разумное управление». И о причинах отсутствия такового М.С. Солонин дает зримое представление, сообщая о страхе конкретного военачальника — маршала Г.И. Кулика. Так, согласно свидетельству начальника 3-го отдела (контрразведка) 10-й армии, прибывший на фронт маршал приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, а затем, вслед за ним, переодеться в крестьянскую одежду, что тут же и сделал.

Но Кулик был человеком Сталина и за это маршала всего лишь поругали [там же, с. 24–25]. В дальнейшем Кулик провалил операцию по деблокированию Ленинграда, а приехав на Кубань для укрепления обороны Керчи, сразу же организовал отправку в тыл спецвагона с продовольствием и алкоголем. За мародерство в зоне боевых действий на этот раз маршала отдали под суд и понизили в воинском звании до генерал-майора, правда вскоре восстановили. Однако в 1945 году «за развал боевой подготовки в запасных

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

что можно руководить свободным человеком, об ужасах коллективизации, о преступлениях НКВД.

Первый конфликт противоположных мировоззрений случается, когда капитан отказывается отправлять донесения в дивизию, отговариваясь, что у него на ерунду нет времени. «Там у них не воинская часть, а какая-то Парижская коммуна» [там же, с. 171], — докладывает комдиву проверяющий, а комиссар полка тут же квалифицирует положение как «партизанщину». С целью обязательного встраивания вышедшей из-под контроля, самоуправляющейся боевой единицы в общую пирамиду начальствования в дом направляют партийца-ленинца батальонного комиссара Крымова. С первого разговора он ставит перед собой цель — Грекова «согнуть», и в дальнейшем он таки пишет на капитана рапорт, за которым, если бы Греков не погиб, последовал бы штрафбат, лагерь либо расстрел.

Комиссара Крымова приводят в ярость отсутствие у бойцов страха, перед ним, представителем всесильного государства, ощущаемое им «естественное равенство» людей, не желающих, как положено, подобострастно и покорно реагировать на его заявление: «Я к вам прислан партией»⁵. Он также негодует по поводу того, что ставшие свободными перед лицом смерти люди осмеливаются задавать ему крайне опасные для обычной жизни вопросы (например: как бы ликвидировать колхозы после войны?). Ответить на вольные слова партийцу нечего. Да и автор не видит выхода из интуитивно сложившейся у него мысли: «внушаемый тоталитарным государством страх — враг победы» — и потому одну сторону спора удаляет: комиссар получает рану и покидает дом «шесть дробь один». При этом Крымов убежден, что его спящего специально подстрелил «враг» Греков.

У писателей-фронтовиков нет решения, как освободиться от мешающего воевать, насаждаемого властью тоталитарного страха, и потому самое большее, что могут изобразить даже самые решительные и дальновидные из них, оказывается сведением личных счетов. Это и осуществляет герой романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» — капитан Щусь. Он устраивает убийство начальника политотдела дивизии полковника Мусенка — приятеля одного из сталинских приближенных. Заслуженная расплата? Но вот слова умудренного жизнью командира полка: «Мо-ло-дец! Экой ты молодец! Ай-я-а-ая! Ай-я-я-а-ай! А ты обо мне, о товарищах

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

⁵ Осознанно или нет, но В.С. Гроссман в данном случае воспроизводит лексику большевика Штокмана — созданного М.А. Шолоховым в «Тихом Доне» персонажа, который послан бунтовать казаков.

но неблагодарной работы», которую ему поручила партия Сталина [там же, с. 161].

Тоталитаризм на войне: солдат — средство решения военных задач

Одно из основных проявлений тоталитаризма на войне, отмечаемое писавшими о ней авторами, — отношение к солдату воинских начальников исключительно как к средству решения задач. «Нас и солдатами-то стали называть только после войны, а так — штык, боец, в общем, — неодушевленный предмет...» [4, с. 7] — вспоминал В.П. Астафьев. Солдат почти всегда рассматривается как материал, который не просто возможно, но даже нужно, не размышляя о его сбережении и целесообразном «применении», бросать в топку войны. В логике принятия такого тоталитарного по своей природе решения важна только цель. Исполнение приказа рациональным способом почти никогда не рассматривается, если последний хоть в малой степени ставит под сомнение гарантированность личной выгоды отдающего приказ начальника, его надежд на награды, звания, похвалы начальства вышестоящего.

В романе В.С. Гроссмана командир танкового корпуса Новиков в направлении своего удара видит не подавленные артиллерией огневые точки немцев. Добить их до наступления — дело нескольких минут. Но на всех уровнях советского воинства начиная с пехотной роты (порядка 110 бойцов) у каждого командира есть политический надсмотрщик, призванный контролировать неукоснительное выполнение воинского приказа и директив партии. Есть такой и у комкора. Гетманов — профессиональный партийный функционер, параллельно с командованием «курирующий правильность» военного руководства⁶. Писатель подробно пишет о его двуличии, эгоизме, подлости. Вот пример. В отношении случившейся задержки наступления в личном разговоре с Новиковым Гетманов хвалит его за разумную и ответственную смелость. И в самом деле, ведь задержал атаку на восемь минут: «Командарм жмет. Командующий фронтом требует немедленно ввести танки в прорыв. Сталин, говорили мне, звонил Еременко, — почему

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

⁶ И в послевоенной Советской Армии (вплоть до начала 1990-х годов) структура политических руководителей была сохранена. Начиная с уровня дивизии для «работы в войсках» они имели свои бюрократические органы — политические отделы. Воинский кандидат на должность начальника политотдела дивизии проходил в Москве более серьезное утверждение, чем командир дивизии. Комдиву он не подчинялся, в строй офицеров штаба дивизии перед комдивом никогда не вставал, прогуливаясь в стороне.

и тактическая подготовка командного состава Красной Армии, его умение организовать боевые действия [15, с. 5].

Тоталитаризм на войне: вместо инициативности, смелости, профессионализма — малообразованность, трусость, стремление угодить вождю

О культурном уровне политических начальников В.С. Гроссман сообщает, в частности, посредством мировосприятия комкора Новикова, вспоминающего, что всю его воинскую жизнь им руководили «военно-безграмотные ребята», привычные до власти, еды, выпивки, орденов, которые слушали его доклады, милостиво хлопотали о предоставлении ему комнатухи, выносили ему поощрения. Это были люди, не знавшие калибров артиллерии, не умевшие грамотно вслух прочитать написанную для них речь, путавшиеся в карте, говорившие «про́цент», «выдающий полководец», «Бёрлин». Герою романа казалось, что малограмотность начальников сильнее, чем его образованность, что его знания и интерес к книгам — на самом деле слабость [9, с. 248–249]. Однако такие, как гроссмановский герой Новиков или астафьевский персонаж майор Зарубин, были редким исключением, в то время как их начальники — правилом.

О подобном явлении есть красноречивые свидетельства и со стороны противника. Их, к примеру, приводит в своей книге историк А.В. Исаев. О допросах командира танковой дивизии генерала Потатурчева, попавшего в плен в гражданской одежде, допрашивавшие его немцы оставили запись: «У него отсутствует сознание национальной чести и долга, которое является у нас само собой разумеющимся. Здесь показывает себя отсутствие законченного воспитания и образования». И далее осторожное: «Надо сказать, что Потатурчев был в таком поведении не одинок» [10, с. 148].

Поведение тех, кому недоставало «сознания национальной чести и долга», что часто было причиной отсутствия «минимально-разумного управления», видел и телефонист рядовой В.П. Астафьев, затем в «Проклятых и убитых» описавший, как командир танкового полка или бригады, не умея разумно организовать оборону, расстреливал бросивших технику и бегущих с поля боя танкистов. «Пьяный до полусмерти, он кричал: “Изменники! Суки! Труссы!” — и палил, палил, едва успевая менять обоймы, которые ему подсовывали холуи, тоже готовые праведно презирать и стрелять всех отступающих.

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

Об особенностях тоталитарного страха и трусости как его следствии говорит и проза В.В. Быкова [6]. Возможно, самое известное его произведение — повесть «Сотников» — содержит серьезные размышления автора о попытках выжить попавшего в плен его героя — партизана Рыбака. Чтобы выжить, Рыбак соглашается стать полицаем. Но из какого жизненного опыта вызревает такое решение? Ему, деревенскому жителю, хорошо известно, что в игре, которая называется жизнью, чаще выигрывает тот, кто больше хитрит [там же, с. 191]. Мысль эту, выстраданную крепостной Россией веками, с особой силой подтвердила сталинская коллективизация. «Оружием слабых» (позаимствовав данное выражение у антрополога Дж. Скотта) назвали хитрость занимавшиеся крестьяноведением исследователи. Поэтому, столкнувшись с силой, крестьянин Рыбак первым делом прибегает к этому испытанному оружию, которое, возможно, лично ему уже помогало выжить в советском колхозе.

На фоне всеобщего, поощряемого и вменяемого властью доносительства одной из главных доминант в поведении командиров на войне был страх перед «Верховным». Страх не только понуждал людей сражаться, но и готовил к предательству, воспитывал трусов и подлецов. И это не только мерзавцы наподобие гроссмановского персонажа — комиссара Гетманова. В повести «Журавлиный крик» Быков создает образ солдата Пшеничного — крестьянского парня из раскулаченной семьи, который много лет пробовал спрятаться за новый облик, избавиться от «поставленного» ему еще ребенком в советском обществе клейма, но власть всегда исправно это клеймо на нем обнаруживала. И вот теперь, готовясь перейти к немцам, он, наконец, надеется оседлать свою судьбу, доказать свое право на человеческую жизнь, обретенную пусть даже посредством измены [там же, с. 318].

Из заслона — пятерых бойцов, оставленных прикрывать отход батальона, — Пшеничный уходит, мстя за прошлую жизнь. Но среди бойцов есть и еще один трус, бывший курсант Овсеев. Для него личная цель выжить оказывается выше далеко не всегда подлинных ценностей общего социалистического блага, которые молодому комсомольцу пыталось привить тоталитарное государство и которые на войне должны были перерасти в реальные ценности ратного товарищества. В сравнении с Пшеничным ситуация этого персонажа обратная — он образец бессилия тоталитарного строя создать стойкого защитника.

Итак, двое из пяти персонажей повести — предатели. Видимо, и в самом деле трусость, страх и порождаемое ими зло занимали на войне немалое место, если большой художник уделяет им столько внимания.

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

в СССР. В России история тоталитаризма в сравнении с Европой имеет более глубокие корни. Свое начало он берет в абсолютистском самодержавии, в его имперском бытии, в механизме определения жизни и свободы человека посредством «собственности/бессобственности», в сформированных вековым крепостничеством немоты, покорности и терпеливости народа, в приспособившейся к паразитированию на этих народных качествах власти.

Протототалитарная история облегчила появление и укоренение в стране классического ленинско-сталинского тоталитаризма. Его природой был страх — лишенный цели (бесцельный), не определенный временными рамками (вневременной), закрепившийся в памяти, транслируемый от поколения к поколению. Сознательный отказ послесталинской власти от решения задачи политико-культурного преодоления тоталитаризма объясняется сугубой прагматикой: власти в своем арсенале средств для манипулирования народом по-прежнему надо иметь испытанное, прежде много раз использовавшееся и никогда не подводившее оружие.

Однако уже сегодня рождается поколение, не знающее тоталитарного страха и не поддающееся его воздействию со стороны сталинистов. Более того, сама современность по-новому формулирует условия успешного развития страны — требуется свободный человек, не позволяющий тоталитаризму появиться вновь.

Литература

1. Алексиевич С. «Я всю жизнь прожила в стране полицаев»: Интервью // Медуза. URL: https://meduza.io/feature/2020/02/18/ya-vsuyu-zhizn-prozhila-v-strane-politsaev?utm_source=facebook.com&utm_medium=share_fb&utm_campaign=share&fbclid=IwAR2RIhrx6fWzYB052J2nJ1gSEw9GBLxNXa8M4DLuAoF3s9a8NYYOcnt65GF0 (дата обращения: 22.02.2020).
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
3. Астафьев В. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2007.
4. Астафьев В.П. Моя война. Писатель в окопах. Война глазами солдата. М.: ООО «ГД Алгоритм», 2012.
5. Бешанов В.В. Сталин — гробовщик Красной Армии. Главный виновник катастрофы 1941 года. М.: Яуза-пресс, 2012.
6. Быков В.В. Дожить до рассвета. М.: Эксмо, 2010.
7. Быков В.В. Цитаты // Синергия. 2020. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=3234&id=5003&view=print (дата обращения: 22.02.2020).
8. Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. (Военные мемуары).
9. Гроссман В.С. Жизнь и судьба. Харьков; Белгород: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016.
10. Исаев А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М.: Яуза: Эксмо, 2012.
11. Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н. Философская антропология Андрея Платонова. М.: Институт философии РАН, 2019.

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх

References

1. Aleksievich S. "Nas uchat tol'ko tomu, kak umeret' za Rodinu": Interv'yū [We are Only Taught How to Die for our Country: Interview]. *Meduza*. URL: https://meduza.io/feature/2020/02/18/ya-vsyu-zhizn-prozhila-v-strane-politsaev?utm_source=facebook.com&utm_medium=share_fb&utm_campaign=share&fbclid=IwAR2RIhrx6fWzYB052J2nJ1gSEw9GBLxNXa8M4DLuAoF3s9a8NYYOcnt65GF0 (date of access: 03.02.2020).
2. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The origins of Totalitarianism]. Moscow: CentrKom Publ., 1996.
3. Astafyev V. *Proklyaty i ubity* [The Cursed and the Slain]. Moscow: Eksmo Publ., 2007.
4. Astafyev V.P. *Moya voina. Pisatel' v okopah. Voina glazami soldata* [My War. Writer in the Trenches. War Through the Eyes of a Soldier]. Moscow: OOO "TD Algorithm" Publ., 2012.
5. Beshanov V.V. *Stalin — grobovshchik Krasnoi Armii. Glavnyi vinovnik katastrofy 1941 goda* [Stalin — the Undertaker of the Red Army. The Main Culprit of the Disaster in 1941]. Moscow: Yauza-press Publ., 2012.
6. Bykov V.V. *Dozhit' do rassveta* [To Live Till Sunrise]. Moscow: Eksmo Publ., 2010.
7. Bykov V.V. Tsitaty [Quotes]. *Sinergiya*. 2020. URL: http://www.sinergialib.ru/index.php?section_id=3234&id=5003&view=print (date of access: 03.02.2020).
8. Gorbатов A.V. *Gody i voiny* [Years and War]. Moscow: Voenizdat Publ., 1989. (Voennye memuary [War Memoirs]).
9. Grossman V.S. *Zhizn' i sud'ba* [Life and Fate]. Kharkiv; Belgorod: Book Club "Family Leisure Club" Publ., 2016.
10. Isaev A.V. *Neizvestnyi 1941. Ostanovlenniy blickrig* [Unknown 1941. Stopped Blitzkrieg]. Moscow: Yauza: Eksmo Publ., 2012.
11. Neretina S.S., Nikolsky S.A., Porus V.N. *Filosofskaya antropologiya Andrey Platonova* [Philosophical Anthropology of Andrey Platonov]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2019.
12. Nikolsky S.A. Rossiyskaya filosofiya istorii: opit ponimania [Russian Philosophy of History: an Experience of Understanding]. *Filosofskiy Jurnal*. 2018. Vol. 11, N 4.
13. Platonov A.P. *Efirnyi trakt. Povesti 1920-h — nachala 1930-h godov* [Etheric Tract. Stories of the 1920s and early 1930s]. Moscow: Time Publ., 2011.
14. Solonin M.S. *22 iyunya. Anatomiya katastrofy* [June 22. Anatomy of a Disaster]. Moscow: Yauza: Eksmo Publ., 2009.
15. Cherushev N.S. *1937 god: Elita Krasnoi Armii na Golgofe* [1937: Elite of the Red Army on Golgotha]. Moscow: Veche Publ., 2003.

С.А. Никольский
Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх